

Но врач не может лечить себя сам, и во дворце Яньцин царила холодная тишина. Рядом с ним не было никого, кто бы заботился о нем, и Е Тан, всегда любивший уединение, вдруг понял, что это чувство ему не по душе.

В этот день Хань Цзинь, только что закончив аудиенцию, переоделся и сразу же, полный гнева, направился во дворец Яньцин.

Дверь он распахнул ногой, и увидел, что Е Тан спокойно сидит и пьет чай.

— Е Линшуан, ты несколько раз пропускал аудиенции без причины. Ты что, не считаешь меня императором? В прошлый раз я еще смиростивился, учитывая, что ты был наказан, а теперь ты еще и наглешь?! — Хань Цзинь подошел ближе и пнул ногой табурет рядом с Е Танем.

Тот посмотрел на опрокинутый табурет и с безразличием опустил взгляд. Ему действительно не хотелось сейчас иметь дело с гневом Хань Цзиня.

— Ты болен? Наставник, ты не мог придумать более правдоподобную отговорку? — язвительно продолжил Хань Цзинь, видя, что Е Тан молчит.

Он был так зол, что едва сдерживался, чтобы не отменить аудиенцию и сразу прийти к Е Таню за объяснениями.

Если бы тот действительно выглядел плохо, это было бы одно дело, но он просто сидел здесь и спокойно пил чай.

Хань Цзинь, охваченный яростью, выхватил чашку из рук Е Таня и с силой поставил на стол:

— Разве ты не учил меня, что во время болезни нельзя пить чай? Или ты сам забыл?

Е Тан слегка приподнял веки и посмотрел на чашку:

— Я не принимаю лекарств, чай не повредит.

Его голос был хриплым, как будто он несколько дней не пил воды.

Хань Цзинь замер.

Е Тан спокойно отвел взгляд и слегка кашлянул, чтобы облегчить горло.

— Что с твоим горлом?! — Хань Цзинь внезапно схватил Е Таня за запястье и закричал на него.

Тот почувствовал головокружение от этого крика и не смог сразу ответить.

Только тогда Хань Цзинь заметил, что лицо Е Таня было бледным, он выглядел крайне слабым, а его запястье, которое он держал, было горячим, словно обжигало кожу.

— Что с тобой? Где болит? — с тревогой в голосе Хань Цзинь приложил руку ко лбу Е Таня, чтобы проверить температуру.

Даже он сам не заметил, как его лицо исказилось от беспокойства.

Е Тан с трудом поднял глаза и пристально посмотрел на него.

— Говори же! Сколько ты уже так? Немой что ли?! — Хань Цзинь, не получая ответа, закричал

на него снова, смешивая гнев и тревогу.

Губы Е Таня слегка дрогнули, словно он хотел что-то сказать.

Но прежде чем он успел открыть рот, он потерял сознание.

Хань Цзинь поспешно подхватил его на руки, его глаза выражали беспокойство, которого раньше никогда не было.

Вся императорская лечебница, расположившаяся во дворце Яньцин, стояла на коленях, все опустили головы, боясь попасть под горячую руку Хань Цзиня.

— Повтори еще раз! Что значит «ничего серьезного»?!

Сопровождаемый гневным криком Хань Цзиня, лекарь, который осматривал Е Таня, был повален на землю ударом ноги. Он почувствовал, будто его тело разваливается на части, и его пронзила острая боль.

Однако лекарь не смел медлить, быстро встал на колени и, дрожа, ответил:

— Ваше величество, прошу прощения, я не осмелюсь вас обмануть... Наставник, похоже, довел себя до болезни из-за переутомления. Ему нужно отдохнуть и принять лекарство, и через пару дней все будет в порядке.

— Переутомление? Переутомление вызывает такой жар? И делает голос таким хриплым?! — Хань Цзинь не хотел слышать его объяснений, схватил его за воротник и приподнял с земли.

Остальные лекари, стоявшие на коленях, в страхе заговорили:

— Ваше величество, просим прощения.

Евнух Ли поспешил вперед, чтобы остановить Хань Цзиня:

— Ваше величество, успокойтесь, пожалуйста. Давайте подождем, пока Наставник не придет в себя, прежде чем делать выводы.

Хань Цзинь с трудом взял себя в руки и швырнул лекаря обратно на пол, а затем в ярости разбил чайный сервиз на столе.

Прекрасный чайник и чашки, сделанные из белого нефрита, разлетелись на куски.

Глядя на осколки, Хань Цзинь почувствовал сильную головную боль и с закрытыми глазами вздохнул.

— Евнух Ли, — позвал он.

— Здесь, ваше величество, — поспешно ответил евнух Ли.

— У меня есть такой же чайный сервиз. Принеси его Наставнику. Он привык к этим вещам, и если их заменить, он расстроится.

— Слушаю, ваше величество.

Хань Цзинь глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, а затем снова посмотрел на лекарей.

Увидев его взгляд, все задрожали от страха.

Прошло некоторое время, прежде чем Хань Цзинь холодно произнес:

— Кучка бездарностей.

Главные лекари опустили головы еще ниже, не смея произнести ни слова.

Большинство из них когда-то учились у Е Тяня искусству врачевания, и даже несколько его советов могли значительно улучшить их навыки.

По сравнению с Е Танем их мастерство было ничтожным.

Теперь, когда он заболел, и они должны были его лечить, их охватил страх.

Увидев, что все они, как страусы, прячут головы в песок, Хань Цзинь разозлился еще больше:

— Все оставайтесь на коленях, пока он не придет в себя. Если его состояние не улучшится, как вы сказали, я вас накажу!

Все поспешно ответили согласием.

В этот момент главный лекарь, собравшись с духом, произнес:

— Ваше величество, состояние Наставника не самое лучшее. Может, ему стоит принять лекарство?

Услышав это, Хань Цзинь посмотрел на чашу с лекарством, которая уже некоторое время стояла на столе.

— Что это за лекарство? — холодно спросил он.

— Ваше величество, оно снижает жар, — поспешно ответил лекарь.

Хань Цзинь плотно сжал губы, помолчал некоторое время, а затем взял чашу:

— Все выйдите и встаньте на колени снаружи.

Все поспешно согласились и вышли из зала.

Хань Цзинь некоторое время смотрел на Е Тяня, лежащего на кровати, затем сел на край кровати, поднял его и усадил себе на колени, начав кормить его лекарством ложка за ложкой.

Каждый раз, когда он давал ему ложку, он слегка приподнимал подбородок Е Тяня и массировал его горло, чтобы лекарство легче проходило.

Когда лекарство было выпито, Хань Цзинь снова прижал Е Тяня к себе, чтобы проверить его температуру.

Она не снизилась, он все еще был горячим.

Лицо Хань Цзиня стало мрачным.

...

Е Тан очнулся уже вечером, и все лекари, стоявшие на коленях у его кровати, провели в страхе целый день.

Он с трудом открыл глаза, и первое, что он увидел, была эта сцена. Е Тан почувствовал, что голова болит еще сильнее.

— Наставник... Вы проснулись... — главный лекарь с облегчением произнес.

Е Тан с трудом посмотрел на него, а затем оглядел зал, слабо кашлянув:

— Что вы здесь делаете?

— Наставник, вы заболели, — кто-то почтительно ответил.

— Я знаю, но...

Прежде чем он закончил, дверь дворца Яньцин распахнулась, и ворвался Хань Цзинь, полный беспокойства.

Е Тан посмотрел на него, а затем снова опустил глаза.

— Ты очнулся. Как ты себя чувствуешь? Где болит? — Хань Цзинь схватил Е Таня за плечи и спросил.

Голос Е Таня все еще был хриплым и слабым:

— Ваше величество, не мучайте их.

— Мучать их? Так ты, чтобы их не мучить, сам заболел на несколько дней? Е Линшуан, ты совсем рехнулся?! — в груди Хань Цзиня вспыхнула ярость.

Он пришел сюда сразу же, как только узнал, а Е Тану вообще все равно, он только просит не трогать других.

— Это не серьезная болезнь, — Е Тан снова слабо кашлянул. — Оставьте одного лекаря, остальные могут уйти.

Хань Цзинь некоторое время смотрел на Е Таня, а затем указал на главного лекаря:

— Ты останься, остальные уходите.

Лекари с облегчением вздохнули и быстро удалились.

Е Тан посмотрел на оставшегося лекаря, все еще стоявшего на коленях, и слабо произнес:

— Лекарь Чжоу...

Чжоу слегка удивился, не ожидая, что Е Тан запомнил его имя.

— Встаньте, не стойте на коленях, — продолжил Е Тан.

— Я... Я лучше останусь на коленях... — Чжоу опустил голову в страхе.

Ведь рядом стоял Хань Цзинь, и он не смел встать без его разрешения.

Е Тан с трудом кашлянул, преодолевая головную боль, и посмотрел на Хань Цзиня:

— Ваше величество, разрешите лекарю Чжоу сесть.

<http://bllate.org/book/16216/1456157>